

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И КОНФЛИКТЫ XXI ВЕКА

Опыт перестройки в современном мире

Круглый стол, 28 марта 2015 г.

Андрей Рябов (ИМЭМО РАН). Главная идея этого круглого стола определена самой темой. В какой степени новое мышление, родившееся во второй половине 1980-х годов, с его принципами, подходами, достижениями в сфере мировой политики применимо к реалиям сегодняшнего дня?

Я не буду говорить о том — присутствующие здесь специалисты прекрасно об этом знают, — насколько серьезно изменился наш мир за последнюю четверть века. Сама постановка такой проблемы глубоко обусловлена именно этими изменениями. Михаил Сергеевич в своей статье «О Перестройке сегодня», которую опубликовала «Российская газета» 20 марта, писал, что под новым мышлением «тогда понимались в общем-то простые и понятные вещи: отказ от идеологической и всякой иной предвзятости, готовность к пересмотру привычных стереотипов, способность по-новому и более широко взглянуть на изменившийся мир».

Очевидно, что такое понимание нового мышления было вызвано реалиями того времени, задачами и конфликтами той эпохи, теми политическими проблемами. Что это были за реалии? Михаил Сергеевич отмечает: «Надо было остановить гонку вооружений, прежде всего ядерных; нормализовать отношения с США, Китаем; урегулировать тянувшиеся десятилетиями региональные конфликты. Нужен был диалог и в конечном счете доверие в международных отношениях» (там же).

Я думаю, что, наверное, было бы целесообразно, чтобы мы сначала рассмотрели те изменения, которые произошли в мире за истекшие четверть века. Как трансформировались, видоизменились прежние конфликты, которые были актуальны тогда и дали очень мощный импульс появлению нового мышления. Какие сформировались новые проблемы, новые тенденции, которые даже не просматривались в ту эпоху.

Но попытки проанализировать эти новые реалии, лишь механистически применяя к ним подходы нового мышления, сформировавшиеся в другую эпоху, едва ли будут плодотворными, поскольку сами эти

проблемы, на мой взгляд, изменились очень существенно. Если тогда, в эпоху перестройки, речь шла о диалоге между сторонами, которые в принципе были ориентированы на диалог при всех сложностях отношений между ними, при всех ограничителях, то сейчас мы видим в мировой политике такие субъекты, таких акторов, которые в принципе отвергают любой диалог как форму взаимодействия. В этой связи возникает вопрос: а возможен ли в таких условиях диалог вообще?

Другая проблема, на мой взгляд, связана с принципами, которые были заложены в Делийской декларации о безъядерном и ненасильственном мире, провозгласившей стремление перейти от политики «игры с нулевой суммой», которая активно проявляла себя в период биполярного мира, к политике, построенной на достижении договоренностей по принципу «win-win game». Возможны ли такие изменения в современных условиях, когда акторов в мировой политике становится все больше и больше, а видение мира у них характеризуется большими различиями? Можно ли достичь балансов столь сложных и противоречивых интересов при таком их разнообразии?

Вот несколько самых общих вопросов, которые мы хотели бы предложить участникам круглого стола для обсуждения. Формат круглого стола предполагает свободную дискуссию.

Виктор Кувалдин (Московская школа экономики, МГУ). То, что тридцать лет назад получило название «нового мышления», или новая политика, которая осуществлялась на основе «нового мышления», мне сейчас все больше представляется достаточно редким, экзотическим цветком. Это не значит, что подобная ситуация неповторима. Но это значит, что она требует определенного набора условий, которые складываются достаточно редко. Думая сейчас о применимости и о возможности повторения того опыта новой политики, стоит поставить вопрос: почему тогда это стало возможно?

Отвечая на него, я выделяю несколько обстоятельств. Первое — это реальная угроза ядерного уничтожения, которая была актуализирована в сознании политиков и широкой общественности благодаря тому, что можно назвать «вторым изданием» холодной войны в начале 1980-х годов. Поскольку после периода разрядки последовали «заморозки».

Второе — равенство субъектов, которые были решающими элементами этой политики — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Хотя это называют биполярным миром, строго говоря, биполярным мир никогда не был. Но мы были равны в одном, решающем,

измерении — в том, что касалось нашей военной мощи, а главное — ракетно-ядерного потенциала. Если бы этого не было, полагаю, что американцы накопили бы слишком серьезные силы и не пошли бы на равноправные переговоры с нами.

Третье — то, что у руля двух государств — СССР и США — оказались Михаил Горбачев и Рональд Рейган, которые искренне ненавидели ядерное оружие и искренне хотели выйти из подобного противостояния. Как мне кажется, это было обусловлено их личными моральными качествами. И вся ситуация этому благоприятствовала, поскольку открылось «окно возможностей».

Если мы попытаемся сравнить это с сегодняшним днем, то надо, прежде всего, определить характер мировой системы. Поскольку по этому вопросу происходят споры, существуют расхождения в отечественной науке. В принципе, представляются возможными три системы: однополярный мир, биполярный мир и многополярный мир. И движение, точнее, мировое развитие в условиях мира происходит только тогда, когда появляются адекватные исторической задаче акторы. Скажем, как Горбачев в период перестройки во второй половине 1980-х годов.

Я обратился бы еще к такому примеру, как Европа в XIX веке. Было мало войн, после франко-прусской войны 1871 г. вообще не было войн в Европе, и это тоже было обусловлено особым состоянием европейской политической международной системы. А тогда это была мировая система, можно говорить об определенном равенстве нескольких субъектов. То, что получило соответствующее название, и то, что действовало начиная с Венского мира, — это концерт держав. Вот пока был «концерт», пока существовала готовность «играть» более-менее слаженно, состояние мира поддерживалось. Когда оно расстроилось — а оно постепенно расстраивалось в начале XX века, — то началось Первая мировая война, хотя никто ее не хотел, никто не стремился к ней. Тем не менее, все в ней оказались.

С этой точки зрения, первое, что надо определить — то, какова природа нынешних международных политических систем. Здесь есть разные точки зрения. Я считаю, что мы жили и живем в однополярном мире. Это не тот однополярный мир, который был в 1990-е годы, можно его назвать «однополярный мир лайт». И все-таки Соединенные Штаты по совокупным показателям своей мощи, а здесь военную мощь я ставлю не на первый план, качественно превосходят всех остальных, включая Китай. Это мне представляется решающим с точки зрения

оценки перспективы приложимости «нового мышления» к современной ситуации в мире. Поскольку «по-новому мыслить» должны начать не в Москве, не в Пекине, не в Берлине, а в Вашингтоне.

Тогда — почему «лайт»? Здесь я указал бы все-таки на три обстоятельства.

Первое. США ослаблены с точки зрения двух условий, необходимых для поддержания «однополярности». Первое — военная мощь, хотя и американская мощь, и мощь НАТО остается беспрецедентной в мире. Но стало ясно, что возможности военной мощи ограничены в плане политического решения проблемы. Все это уже было апробировано на Ближнем и Среднем Востоке, в целом ряде стран. Это и Ирак, и Афганистан, и сейчас — Сирия. Выяснилось, что разгромить любого противника для такой махины, как военная машина по-американски, — это, можно сказать, раз плюнуть, а вот создание того, что хотели, то есть демократического процветающего проамериканского большого Ближнего Востока, — не получается. Эта задача требует политического искусства другого уровня.

Второе обстоятельство, которое принципиально и не менее важно, чем первое. Соединенные Штаты все-таки сегодня стали должником. Такая вот, вроде, мелочь. Но у Китая бумаг американского казначейства на один триллион двести миллиардов долларов. Причем брать долги можно хронически и структурно. Все это базируется на некоторых дефицитах — дефицитах торгового баланса, дефицитах платежного баланса и дефиците бюджета. А деньги говорят очень тихо, но их все слышат.

Это не значит, что Соединенные Штаты потеряли свое господствующее положение на властном Олимпе. Но это значит, что оно не столь же безусловно, как 20 лет назад.

Третье обстоятельство — подрастают новые игроки. Очень серьезные, конечно, силы в Китае, по-другому, но тоже серьезные активы у Европейского Союза. Мне представляется, что пока они находятся в разных весовых категориях по отношению с Соединенными Штатами, если сравнивать.

Наконец, последний вопрос: нужно ли США «новое мышление»? Я не вижу такой необходимости, если встать на точку зрения тех, кто определяет политику в Вашингтоне. Да, конечно, они начали «движение с горы», или, по крайней мере, их положение «на горе» не такое безусловное, как было раньше. Но а) это может продолжаться достаточно долго; б) возможно и возвратное движение. Если мы посмотрим на то, как они прошли и проходят полосу после кризисов 2007 и 2009 гг.,

то на мой, действительно просвещенный взгляд, — они проходят ее лучше всех. Они лидируют в восьми из девяти критических технологий. Американская экономика вышла из кризиса и вышла на территорию устойчивого роста, в отличие от всех остальных. Они осуществили очень серьезную внутреннюю перестройку. У них есть стратегические проекты — Трансатлантический союз и Транстихоокеанский союз, которые в случае реализации будут весьма эффективны, и они вполне реальны. Если даже сейчас это не позволит сделать Обаме, скорее всего, республиканский конгресс, чтобы он не смог их записать в актив своего президентства, но после 2018 г. мне это представляется вполне реальным. После этого США обеспечат себе монопольное положение, даже по отношению к Китаю, еще не на одно десятилетие.

Вот в этих условиях договариваться с кем-нибудь, даже разговаривать с кем-то на равных — я, с точки зрения тех, кто определяет современную американскую политику, достаточных аргументов не вижу.

Есть только один, как мне представляется, серьезный аргумент. Он заключается в том, что международная система явно теряет управляемость. Появляется много новых игроков. Это абсолютно не системные игроки, а антисистемные. И это, конечно, не Китай и не Россия или какая-то другая страна. Появляются не государственные, может быть, квазигосударственные акторы, которые могут спровоцировать большую беду. И если в Вашингтоне придут к выводу, что необходимый минимум управляемости невозможно обеспечить без более или менее равноправного подключения других серьезных игроков, тогда, я думаю, разворот к «новому мышлению» может произойти. Теоретически он может случиться сейчас, при Бараке Обаме. Мне кажется, что Обама — большой упущенный шанс мировой политики. Так же, как в свое время большим упущенным шансом был Михаил Сергеевич Горбачев. Но это уже разговор для историков, а не для политических аналитиков.

Поэтому в завершение я бы сказал, что «новое мышление», новая политика — это прекрасно. Это не только ориентир, но образец и инструмент для будущего. Однако для его осуществления, для его актуализации нужно, чтобы звезды на небе сошлись соответствующим образом. Пока я этого не вижу.

Андрей Рябов. Спасибо, Виктор Борисович, за очень интересное выступление. Как мне кажется, в этом выступлении было сформулировано несколько принципиальных моментов. Первый из них состоит в том, что, чтобы в свое время новое мышление и основанная

на нем новая политика стали реальностью, требовалась совокупность условий, обязательных предпосылок. А сейчас таких условий нет. Их нет в современной системе международных отношений, и основные акторы мировой политики в основном также не проявляют заинтересованности, чтобы такие условия появились. Второе положение, которое сформулировал Виктор Борисович, заключается в том, что теоретически они могут возникнуть в связи с потерей мировой системой управляемости. А то, как она теряет управляемость, мы сейчас можем наблюдать и по отдельным регионам мира, и по целым проблемам мировой политики. Мне кажется, что это очень хорошие отправные позиции для начала нашей дискуссии.

Алексей Шумилин (Институт США и Канады РАН). Полностью согласен с общей оценкой об отсутствии необходимых условий для проявления и продвижения «нового мышления», но хотел бы возразить по двум позициям.

Тезис первый прозвучал таким образом, что по-новому мыслить должны начать не столько в Москве, не столько в Брюсселе и т. д., сколько в Вашингтоне. Тезис очень значимый, но одновременно спорный, ибо он сопровождался другим тезисом: Обама, правление Обамы оказались «упущенным шансом». И с этим тоже можно согласиться.

Мы видим, как в Вашингтоне действительно была предпринята попытка начать мыслить по-новому, перейти к перезагрузке с Россией и был сделан ряд других шагов, которые вполне можно оценить как попытку «нового мышления».

Мы видим, как стремление Обамы мыслить по-новому, а значит — договариваться, привело к усилению хаоса в целом ряде регионов, особенно на Ближнем Востоке. Если отбросить, как чисто пропагандистский, тезис, что Арабскую весну «спровоцировали Соединенные Штаты», надо признать, что, несомненно, сыграли свою роль последствия последних нескольких лет утраты управляемости, выразившиеся в стремлении Обамы уговаривать, договариваться с кем только возможно: и с региональными игроками, и главное — с российским руководством.

Знаменитая «химическая сделка»¹ — очень важный этап в развитии ближневосточной и глобальной ситуации. Как мы знаем, она обернулась значительной утратой престижа Соединенных Штатов и утратой их возможности воздействовать на ключевых игроков в этом ре-

гионе. Мгновенно начались конфликты, вылившиеся наружу, между Вашингтоном и основными его партнерами в регионе — Саудовской Аравией, которая отказалась передать пост в Совете Безопасности на постоянной основе (если помните, громкий скандал), и ряд других проявлений этого глубокого расхождения в отношениях между партнерами Соединенных Штатов и Ираном, и нами, и прочими противниками, оппонентами или партнерами.

Вот яркое проявление того, как попытка начать мыслить по-новому в Вашингтоне не совпала с аналогичными устремлениями, шагами. Но она, эта попытка, привела к взрыву, к подогреванию и стимулированию конфликтной ситуации. Все, что происходит в Сирии, могло быть завершено, но другими способами, а не стремлением, положительным стремлением, этого проявления нового мышления — в переговорах, стремлении найти консенсус с представителями всех сторон. Этот, несомненно, важнейший положительный элемент должен сопровождаться реалистичными действиями, необходимыми в данном случае в этом регионе, силовыми мероприятиями.

Этот пример вызывает у меня критическое отношение вот к главному тезису Виктора Кувалдина — тезису, что «мыслить по-новому» прежде всего должен начать Вашингтон. Мы знаем, что у этого «нового мышления» будет драматический финал, когда Обама уйдет. Возможно, демократ займет его место. Еще не так все ясно, но Обама, этот либерального толка мыслитель, в общем-то сторонник «нового мышления», попытавшийся начать этот процесс в современных условиях из Вашингтона, потерпел крах как на европейском направлении, так и на ближневосточном и на латиноамериканском, в значительной степени.

Такова реальность, которая подтверждает высказанный общий тезис о том, что звезды должны сойтись для того, чтобы «новое мышление» заработало. В последние годы звезды не сошлись — в положительном ключе не сошлись, — а, наоборот, засияли в разных направлениях. Это говорит о том, что, конечно, нужно ждать какого-то такого момента, работать на такой момент, когда осознание необходимости мыслить по-новому придет не только в Вашингтон — а оттуда оно уйдет, я повторяю, скоро, обжегшись, — но и в другие столицы, включая, может быть, в первую очередь, Москву.

Павел Палажченко (Горбачев-Фонд). Вы сказали, что следовало действовать Соединенным Штатам на Ближнем Востоке методами, которые более характерны для этого региона, то есть силовыми

¹ Речь идет о сделке России и Соединенных Штатов в 2013 г., в результате подписания которой запасы химического оружия в Сирии были уничтожены.

методами. Но вот Президент Буш-младший действовал этими методами. Что получилось? Вы говорили о том, что Обама уходит. Но, во-первых, он уйдет только через полтора года еще, посмотрим, что будет. Еще посмотрим, что будет. Я просто не могу согласиться с тем, что он потерпел, как вы сказали, крах на всех направлениях. Но опять-таки, каковы те иные варианты, которые следовало бы ему, допустим, рассмотреть, помимо Ближнего Востока, в отношениях с Европой и с Латинской Америкой?

Виктор Кувалдин. Хотя у Обамы, как мне кажется, были более слабые карты, чем у Буша, он идет как минимум как удачный президент. Ибо он решил несколько фундаментальных проблем. Он вывел свою страну из кризиса лучше, чем кто бы то ни было. А это для американцев, с моей точки зрения, важно. Плюс он вытащил страну из двух безнадежных войн. Поэтому я тоже здесь присоединяюсь к вопросу Павла Руслановича. Я с вами согласен, когда вы говорите, что новое мышление в Вашингтоне, как говорят математики, — это условие необходимое, но недостаточное. Оно должно быть серьезно поддержано. Но вот в отношении оценки Обамы, я думаю, что история будет к нему куда более снисходительна, чем мы в своем обсуждении...

Павел Палажченко. Только что Виктор Кувалдин скорректировал положение своего доклада, что «новое мышление» — условие необходимое, но недостаточное. Прозвучало это так, что новое мышление должно проявиться там и тогда мы... Так я понял. Либо все будут действовать более-менее в духе нового мышления, либо будет разрыв. Но не все, естественно, этого никто не ждет.

Виктор Кувалдин. Знаете это выражение одного исторического деятеля: настоящее единство бывает только на кладбище?¹

Алексей Шумилин. Полностью согласен: действительно, это необходимое условие, но недостаточное.

Дело в том, что основная проблема в отношениях Соединенных Штатов и Ближнего Востока, с союзниками США в этом регионе, сейчас сводится к тому, что Обама выходит из Ближнего Востока — через сокращение своего влияния, влияния Соединенных Штатов, перио-

¹ Имеется в виду высказывание, приписываемое И. В. Сталину: «полное единодушие бывает только на кладбище».

дически ссылаясь на необходимость мира в регионе. И перестраивает схему отношений со своими союзниками, с тем чтобы те повысили свой вклад в союзничество, в систему взаимодействия с Соединенными Штатами. То есть в финансовом плане, в плане подключения своих войск к конфликтным ситуациям, военным операциям, а не надеялись только на Соединенные Штаты. Отсюда идея арабской армии. И создаются армии арабских монархий Персидского залива, разного рода объединенные группировки, военно-морские группировки. Это всё события последних месяцев, после визита Обамы на Ближний Восток в прошлом году. Происходит ослабление присутствия США и фактическое невмешательство в военном плане ни в один конфликт. Ни в один — я подчеркну, кроме тех, в которых согласованность действий понятна — бомбардировки.

Такой уход в военном отношении создает иллюзии в некоторых конфликтных ситуациях для оппонентов, иллюзии возможности достижения победы... Так что я констатирую факт: новое мышление действительно претворяется в жизнь в аспекте неприменения силы одной стороной — Соединенными Штатами. Но это приводит к серьезным политическим последствиям в мире, серьезным напряжениям в отношениях США с партнерами. И это стимулирует агрессивные действия со стороны оппонентов США и террористических группировок.

В результате ситуация радикально изменилась после заключения химической сделки. Кстати, изменилась в пользу России, позиции российского руководства. Это замечательно, но не для Обамы. Ибо он подвергся колоссальной критике в США, равно как и в ближневосточном регионе.

Ольга Малинова (МГИМО). Мне бы хотелось предложить новый поворот темы. Когда мы говорим о новом мышлении применительно к 1980-м годам, да и к нынешнему времени, мы фиксируем внимание именно на качестве «новизны». И это очень важно. Мне кажется, что перестройка и новое мышление — это очень хороший казус для исследования роли «идейного» фактора в политике: это как раз ярчайший пример того, как новые идеи и оформленные ими изменение идентичности меняли политику.

Конечно, вышедшая в 1987 г. книга Горбачева содержала массу идей, которые высказывались и раньше — самим Горбачевым, другими людьми — и в общем можно сказать, что у нового мышления много соавторов. Однако будучи высказанными от имени лидера Советского

Союза, эти идеи действительно стали знаком существенных перемен. Конечно, новое мышление — это не только то, что изложено в книге, это некая коллективно разработанная доктрина, которая получила форму книги. Кроме того, в каком-то смысле идея равной безопасности, которая должна была прийти на смену равной опасности, могла рассматриваться как продолжение идей мирного сосуществования двух систем. Здесь не было принципиального разрыва. Тем не менее термин «новое мышление», вошедший в оборот после того, как он появился в заглавии книги, и сам идеологический тренд, обозначаемый этим термином, действительно знаменовали важные изменения, прежде всего в официальной идеологии.

Впрочем, на первый взгляд, в 1987 г. никаких кардинальных идеологических перемен не произошло. Перестройка представлялась как продолжение идей Октября. В том году праздновался юбилей Октябрьской революции, и доклад Горбачева назывался «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Перестройка позиционировалась как обновление марксистско-ленинской сущности советской системы, искаженной экономико-административной системой 30-х годов.

Но, облекая свои аргументы в традиционный символизм советского режима, Горбачев на самом деле интерпретировал его нетрадиционным образом (причем степень нетрадиционности со временем нарастала). А слова «новое мышление» как бы придали символическую форму этому процессу реинтерпретации.

Он имел много составляющих. На мой взгляд, наиболее важным компонентом было изменение всей концепции макрополитической, или национальной (если можно применять этот термин к Советскому Союзу) идентичности. Речь шла об изменении обеих составляющих этой конструкции — концепции Нас и Другого (в роли которого выступал Запад).

Я бы согласилась с концепцией австралийского политолога Грэма Гилла, книги которого про символизм советского и постсоветского режима достаточно широко известны среди российских исследователей. По мысли Гилла, перестройка завершила распад «советского метанарратива» (т. е. совокупности дискурсов, в упрощенной форме представляющих идеологию и выступающих в качестве инструмента посредничества между режимом и народом). Именно после 1987 г. стало кардинально меняться объяснение прошлого, настоящего и будущего, образующее каркас этого «метанарратива».

В доктрине «нового мышления можно выделить по крайней мере два принципиальных положения, которые привели к ревизии идео-

логических основ внешней, а в каком-то смысле — и внутренней политики, а также к изменениям в официальной модели макрополитической идентичности. Это принцип приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и деидеологизация внешней политики. Необходимость приоритета общечеловеческих ценностей, как мы помним, обосновывалась ядерной угрозой, которая ставит объективный предел для классовой политики. Однако этот принцип означал не только отказ от политики силового противостояния Востока и Запада, которое определялось именно защитой классовых интересов. Он также означал возможность международного порядка, основанного на общих для коммунистического Востока и капиталистического Запада ценностях.

Деидеологизация внешней политики, заявленная в рамках концепции нового мышления, привела к размыванию понятий идеологических противников и идеологических союзников. Получалось, что политика безопасности не должна быть сосредоточена на противоборстве по принципу общественно-политического строя. Позже это сделало возможным признание принципа свободы выбора народом модели социально-экономической развития. Тем самым Советский Союз снимал с себя ответственность за судьбы социалистических режимов в странах Варшавского договора, и это имело весьма далеко идущие последствия.

Новое мышление открывало дорогу для трансформации образа Запада. Конечно, этот образ никогда не был однородным, и никогда он не конструировался только с помощью инструментов официальной идеологии. Но Запад и в советское время воспринимался не только как капиталистический мир. Классовая идеология давала целый набор для вариации оценок: помимо дихотомии капитализма — социализма, было еще понятие прогресса (и «плохое» буржуазное могло быть «более прогрессивным» по сравнению с чем-то еще), были бинарные оппозиции с «хорошей» и «плохой» стороной (например, «хороший» интернационализм vs. «плохой» космополитизм). Такие «переключатели» были и раньше. Тем не менее изменение представлений о западном «другом», связанное с концепцией нового мышления, действительно вело к большей открытости к идеям информации из-за рубежа.

Что не менее существенно, концепция общечеловеческих ценностей подрывала телеологию, на которую опиралась легитимация советского режима. В основе ее лежала идея об особости и исключительности коммунизма, который имеет безусловное моральное

превосходство над капиталистическим Западом. Да, с материальной точки зрения у нас не все благополучно, но зато у нас коммунизм — а это светлое будущее всего человечества. Идея общечеловеческих ценностей создавала другую перспективу для сопоставления. Не удержусь от того, чтобы процитировать статью 1990 г. (не потому, что она нова, а потому что типична): «...Сегодня, — писал публицист журнала „Знамя“, — мы наконец-то пришли к идее взаимодополняемости обществ, ранее считавшихся непримиримо антагонистическими. Пришли..., осознав, пусть с опозданием, свою схожесть, открыв для себя не без удивления, что „мы“ и „они“ исповедуем в идеале те же, собственно говоря, принципы — свободы и справедливости». С одной стороны, это действительно открывало путь к взаимопониманию, урегулированию тех конфликтов, которые казались неразрешимыми. Но, с точки зрения конструирования идентичности, это означало размывание представлений, на основании которых мыслилась наша уникальность. И взамен не было ничего «готового».

При этом надо сказать, что, конечно, СССР в глазах международного сообщества имел устойчивый имидж мировой культурной державы, со своим особым лицом (в отличие, например, от США), с качественно иным культурно-образовательным, духовным статусом общества. Он воспринимался в этом отношении тоже как равный и другой. И в этом смысле эволюция в сторону признания одинаковости означала размывание этой «особости», «друговости» — как бы к ней ни относиться. Разумеется, у этой «друговости» были серьезные изъяны, на их обсуждении и были сосредоточены перестроечные дискуссии. Но сглаживание нашей «особости» / «друговости» отчасти подрывало концепцию равного партнерства. Ведь ядерная угроза воспринималась всерьез в последнюю очередь из-за того, что Советский Союз воспринимался как носитель другой идентичности.

Новое мышление открывало дорогу современного «нового западничества», в адрес которого сегодня звучит так много критических замечаний. Оно развивалось как вполне естественная реакция на вакуум, который возникал в связи с размыванием советской идентичности. Это была попытка сконструировать образ нашего будущего, ориентируясь на образ другого. Я хочу подчеркнуть, что это западничество принципиально отличается от того, которое мы имели в XIX веке. К сожалению, «новая западническая» модель коллективной идентичности дает слишком слабые основания для позитивной самооценки — а это оказалось важным.

Правда, надо сказать, что сама по себе концепция нового мышления создавала и перспективу некой моральной компенсации: она имела сильную мессианскую составляющую. Новое мышление предназначалось «для нашей страны и для всего мира»; Советский Союз выступал как своеобразный мессия, предлагающий всему миру новую конструкцию бытия. К сожалению, в мире этот мессия не получил должного признания, а в стране это привело к краху системы, советской идентичности. Вместе с тем нельзя не признать, что новое мышление способствовало изменению имиджа СССР в глазах международной общественности — представлять его как «империю зла» стало затруднительно.

Так или иначе, подводя итоги, мне кажется, надо признать, что в качестве проекта новой идентичности новое мышление потерпело крах. Не потому, что это была плохая идея, а потому, что ее не удалось реализовать. Имеет значение ведь не только то, что говорится, но и то, как воспринимается. Горбачевская идея перестройки декларировала идею отказа от политики силы и переход к политике сотрудничества с либеральным международным сообществом. СССР предполагал стать членом этого сообщества, быть не против Запада, а вместе с Западом. Была идея создания общеевропейского дома, была перспектива интеграции СССР в мировую экономику. Однако США изначально твердили, что Западу не нужно перестраиваться. А в Восточной Европе либерализация международной социалистической системы привела к ликвидации коммунистических режимов и Варшавского договора. Сегодня в Восточной Европе о новом мышлении вспоминают нечасто, зато Россию стремятся представить как враждебного «другого», ответственного за черную полосу коммунистического режима. Конечно, это совсем не тот эффект, на который были рассчитаны горбачевские идеи!

К сожалению, ни Запад, ни Восток не поняли и не приняли горбачевскую версию мессианизма. И если говорить о том, какая концепция, какая идея в результате стала доминирующей, то, видимо, надо вспомнить о «Конце истории», опубликованном в 1989 г. Фукуяма рассматривал книгу Горбачева как одну из своих отправных точек. Его эссе начиналось словами: «Трудно избавиться от ощущения, что во всемирной истории происходит нечто фундаментальное» — XX век приходит «к неоспоримой победе экономического и политического либерализма». Это про то же самое, о чем писал Михаил Сергеевич, но понятное совершенно иначе и претворенное в совсем другую политику.

Сегодня мы знаем, что это был явный шанс и он был упущен. Однако шанс понять, почему так произошло, еще есть. Мне кажется, что перестройка — это казус, красноречиво подтверждающий справедливость утверждения: «Идеи имеют значение». Каковы механизмы воздействия идей на политические изменения? Чем определяются возможности и ограничения такого воздействия? Сегодня мы знаем об этом гораздо больше, но все-таки недостаточно, чтобы объяснить все, что нуждается в объяснении.

Ольга Здравомыслова (Горбачев-Фонд). Не могли бы вы более подробно определить явление, которое вы обозначили как «новое западничество» и «новые западники»?

Ольга Малинова. Я говорю об этом применительно к западничеству, которое у нас возникло в последние годы Советского Союза, в годы перестройки. Корни его — в позднесоветском диссидентстве, тем не менее черты самостоятельного течения новое западничество обрело именно в перестроечные годы.

Старое западничество — то, которое сложилось в XIX веке, — подчеркивало преодолимость значимых различий между Россией и Европой, видя в них проявление исторической отсталости. Однако критическая переоценка опыта советской власти, осуществлявшаяся в годы перестройки с помощью системы бинарных противопоставлений (тоталитаризм/демократия, административно-командная система / рынок, идеологический контроль / свобода, догматизм / плюрализм и др.), ломала эту схему. Россия оказывалась принципиально *не такой*, как страны Запада — она единственная поддалась коммунистическому соблазну, и это обстоятельство накладывало неизгладимый отпечаток на ее настоящее и прошлое. На мой взгляд, именно это новое западничество в значительной степени является ахиллесовой пятой постсоветского либерализма. Я считаю, что будущее либерализма в России зависит от преодоления западничества и связано с поисками иных оснований для либерального проекта — связанных с нашей историей (нужно работать над либеральной версией исторического нарратива) и с творческим решением задачи построения либерального порядка на нашем общественном фундаменте. Дело не в нынешнем антизападничестве (оно преходяще, как любой идеологический крен), дело в извлечении уроков из прошлых неудач.

Андрей Рябов. Мне кажется, что в результате двух последних выступлений мы нащупали некоторые подходы к вопросу о возможности возникновения условий для возрождения нового мышления. Итак, снова появилось ощущение тотальной опасности, угрожающей человеческой цивилизации. Речь идет о подъеме исламского экстремизма, его стремлении к овладению оружием массового поражения. Это в корне отличает нынешнюю ситуацию в мире от той, что была в 90-е годы, когда в общем принято было считать, что после завершения холодной войны человечеству ядерная катастрофа уже не грозит. Поэтому тогда в международных отношениях идея всеобщей равной безопасности доминировала над идеей равной опасности. И именно это ощущение реальности гибели человеческой цивилизации в результате ядерного конфликта между США и СССР ранее стало одним из условий для появления нового мышления.

В связи с современностью мне вспоминаются слова одного из творцов немецкой восточной политики Эгона Бара о том, что он оптимист в отношении будущего человечества, поскольку шансы его на выживание составляют «пятьдесят на пятьдесят».

А вот что касается проблем идентичностей, их конструктивного взаимодействия друг с другом, то здесь мы находимся в глубочайшем кризисе. Александр Шумилин очень хорошо описал, как в нынешней ситуации на Ближнем Востоке попытки американцев начать диалог с представителями некоторых местных идентичностей наталкиваются на агрессивное неприятие со стороны их носителей. В такой обстановке прийти к идее взаимозависимости, общей заинтересованности в укреплении мира пока не представляется возможным.

Михаил Виноградов (Фонд «Петербургская политика»). Я в большей степени, наверное, актер, чем исследователь, поэтому в моем выступлении будет фигурировать практическое больше, чем теоретическое.

Мне близко, с одной стороны, то ощущение откровенного современного хаоса в мире, о котором говорят участники дискуссии: я имею в виду количество войн на планете, состояние экологии и т. д. Однако мне кажется, что ситуация качественно не изменилась по сравнению с 1980-ми, 1990-ми годами. С другой стороны, я бы осторожно отнесся к намеку Виктора Кувалдина, что нужно предъявить некую новую политическую концепцию. Я думаю, что даже если такая концепция появится, она вряд ли может осуществиться в современных мировых условиях по целому ряду причин, отработанных и предъявленных из Москвы.

Тем не менее, если обратиться к той магии нового мышления или нового сознания в хорошем смысле этого слова, я хотел бы выделить следующее.

Первое: ощущение оптимизма и восхищение будущим было тогда мощным импульсом. Ощущение себя участником исторических процессов, исторических изменений — это как сильный наркотик, от которого трудно отвыкнуть. Но понимание, что симпатия и открытость — не признак слабости, вполне может быть серьезным капиталом. Понятно, что люди в разных ситуациях мыслят по-разному, но существует немало отдельных людей, стран, проектов, которые выходили на ощущение общности через симпатию, а не через давление, не через агрессию. Общее ощущение усталости от агрессии, которое было характерно для второй половины 1980-х годов, вызвало потребность в гуманизме. Горбачев сделал акцент на гуманистических общественных началах.

Второе. Безусловно, новое мышление позволило уйти от акцента на восприятии политики как взаимодействия сил, которые пытаются сами себя уничтожить.

Наконец, благодаря новому мышлению возникло общее ощущение, что у страны есть исторические шансы на попадание в тот самый «золотой миллиард», от которого сейчас мы опять отброшены.

Теперь о том, что не удалось сделать, где новое мышление «не просло». Во-первых, не было достигнуто понимание исключительности внутренних процессов в стране в сравнении с опытом других стран, переживших исторический переход к обществу модерна.

Во-вторых, не была определена роль истории, но при этом возникло стойкое ощущение, что в истории есть все ответы на вопросы настоящего и будущего.

В-третьих, хотя новое мышление содержало в себе это видение, не удалось уйти от идеи контроля над территорией — своей и чужой — как самооценности.

Наконец, не было понимания того, как возникают в обществе приступы пессимизма, депрессии, как «запускаются» механизмы депрессивных провалов, разрушающих социальную ткань.

Хотел бы предложить свое видение исследовательских задач, которые могли бы помочь актуализировать тему нового мышления.

Первое — это анализ «незападного» опыта трансформации таких, например, стран, как Бразилия, Бирма, Казахстан, таких регионов, как Северный Кавказ, и даже исламский мир в целом.

Второе — это изучение внешнеполитических процессов последних тридцати лет в странах с так называемой переходной экономикой, претерпевших существенные трансформации. Например, мы по-прежнему недооцениваем общие вопросы повестки дня России и восточноевропейских стран.

В-третьих, это анализ войн, прошедших в последние тридцать лет, в том числе войн не состоявшихся. Есть, например, концепция, что последние 20–25 лет войны шли преимущественно в курортных зонах. При всей такой странности этой идеи, примеров достаточно много, и их можно анализировать.

Думаю, что исследовательская работа позволила бы подготовиться к созреванию условий для «перезагрузки» нового мышления, если они появятся — поймать момент, когда «звезды сойдутся», ощутить себя участниками исторического процесса и, возможно, повлиять на атмосферу отношений, которые складываются в мировой практике.

Дмитрий Петров (независимый журналист). Сравнение со звездами представляется очень многообещающим, очень широким, красивым. Понятно, что это метафора, но в этой метафоре есть настораживающий намек. Сегодня мы говорим о новом мышлении как о том, что давно миновало — о том, что эта концепция не удалась, что она рухнула, что концепция бесперспективна, и политическая практика доказала, что она несостоятельна.

Признаться, мне не кажутся убедительными доказательства того, что крах состоялся. И вообще этот подход рождает совершенно естественный вопрос: а что если это не крах? Что если это действительно всего лишь пауза и новое мышление в другом каком-то качестве может быть возрождено и как концепция, и как политическая фракция, и как своего рода деятельность?

Новое мышление, безусловно, является деятельностью. А в контексте названия конференции — «Пути России» — следовало бы, наверное, помнить, что пути — любые, не только России, — открываются лишь тогда, когда существует политическая воля. И собственно появление или исчезновение таких подходов, таких концепций, таких содержательных видов деятельности, как новое мышление, которое было провозглашено в перестройку Михаилом Сергеевичем Горбачевым, является тоже результатом политической воли. Хотим мы этого или нет.

В этом смысле мне близко суждение, что «звезды сойдутся» и «знаки» будут благоприятствовать. Только хотел бы заметить, что такое

возрождение может быть только результатом организованной целенаправленной деятельности. На мой взгляд, новое мышление опирается на фундаментальные ценностные основания, и, по сути, оно существует до сих пор — как попытка создать проект изменения идентичности, парадигмы мышления и поставить новые цели. Пока это не состоялось. Но я не вижу серьезных аргументов, почему это не может осуществиться.

Елена Романенко (политолог). Я бы хотела предложить такое несколько, может быть, уходящее в сторону видение. На мой взгляд, концепция нового мышления как раз прошла свою эволюцию за эти тридцать лет, и пути у этой эволюции было два: в российском мышлении и в западном мышлении. Поясню. В основании концепции нового мышления у Горбачева, на мой взгляд, лежали следующие позиции. Первое — сохранение управляемости как внутри страны и глобальной управляемости. Для него это было важно, на мой взгляд. И второе — перспектива будущего, отказ вообще от империалистического мышления.

Новое мышление было ответом на господствовавшую тогда позицию, что Советский Союз — это империя зла. И через новое мышление Горбачев предлагал следующее: давайте откажемся от империалистического мышления и перейдем к позиции равноправия, равной безопасности всех государств в мире. На мой взгляд, это было главным содержанием нового мышления. В связи с этим как раз закономерно то, что Советский Союз так «легко» и «безболезненно» распался на самостоятельные государства. Это была в том числе заслуга Горбачева, который ставил во главу угла значимость национальных государств и их равноправие на мировой арене.

Эволюция развития этой концепции вылилась в то, что недавно сказал Путин: русский медведь ходит по своей территории и свою территорию не отдаст. То есть вот есть наша государственность, мы ее оберегаем, мы работаем над ее безопасностью. То есть у нас абсолютно нет империалистических замашек, в чем нас опять продолжают упрекать иногда, а мы только обороняемся. Это есть наша ценность, и это качество находит отклик среди практически большинства государств мира вне зависимости от их размера.

А что произошло с западным новым мышлением? Оно тоже развивалось, но развивалось несколько в другой парадигме трансгосударственного нового мышления. В основу политической активности была поставлена личность и самоорганизующиеся группы. И в этом

смысле возникла, на мой взгляд, концепция неоимпериализма. То есть империализм уже не как овладение государственными территориями, а империализм как овладение информационным пространством и отчасти сознанием людей, влиянием в этой сфере. И работа над тем, как мыслят, как самоорганизуются разные группы населения в разных странах. Через это осуществляется влияние на глобальные территории. Я настаиваю на том, что в основе нового мышления — и в позиции Горбачева, и в позиции западного нового мышления — находится качество глобальной управляемости.

И я бы хотела проиллюстрировать состояние, к которому пришли эти две ветви развития нового мышления на примерах разного отношения к украинской ситуации. Одна позиция состоит в том, что Украина стала жертвой борьбы двух развивающихся региональных рынков в связи с деглобализацией экономики. Ей противостоит другая позиция, исходящая из модели трансгосударственного личностного неоимпериализма: Путин — авторитарный лидер, который разрушает Украину, вмешивается, поэтому надо устранить Путина... (в другой ситуации на месте Путина может быть Саддам Хусейн, может быть кто-то другой...). Это модель распространения неоимпериалистического нового мышления, которая существует в западной ментальности: опора на некоторую организованную группу населения внутри страны, ее финансирование, устранение главы государства и реорганизация данной территории.

Мой тезис состоит в том, что новое мышление эволюционировало от момента, когда было провозглашено Горбачевым, и сейчас оно стало иным. В результате мы имеем сейчас две концепции, между которыми пока не может быть возможности договоренности. То есть существует концепция — это равноправие государств в рамках Организации Объединенных Наций, в рамках глобальной организации. И существует концепция трансгосударственного, неоимпериалистического влияния с опорой на активные личности, активные страны, в обществе самоорганизующиеся, и тем самым на установление и поддержание нового экономического и политического порядка.

Андрей Рябов. Мне кажется, что еще два интересных тезиса внесены в дискуссию. Один был о том, что современной версии нового мышления, если таковая появится, необходимо целеполагание, которое сыграло огромную роль в политике Горбачева. Прекращение военного противостояния с США и Западом, развитие с ними нормальных

взаимовыгодных отношений по всем линиям, конвергенция двух общественных систем, — такие цели двигали тогда советскую политику.

А в современном мире, по крайней мере на уровне основных мировых акторов, такое целеполагание отсутствует. Например, Китай. Это страна, которая благодаря растущей экономической, политической и военной мощи превращается во вторую глобальную державу, выросла до таких масштабов гораздо раньше, чем, по-видимому, планировала. И поэтому явно испытывает проблемы с целеполаганием и даже с идентичностью в современном мире. Не на что опереться Китаю в этом смысле и в своей историко-политической и культурной традиции. Нет там примеров «послания миру», поскольку, согласно этой традиции, сам Китай находится в центре мира, который располагается, «вращается» вокруг него. А если предположить, что мир будет развиваться в сторону новой биполярности (США — КНР), что все-таки многие специалисты считают весьма вероятным, как в таких условиях можно прийти к новому мышлению, если как минимум у одного из игроков целеполагание для глобальной политики отсутствует?

И второй тезис, заключающийся в том, что на самом деле новое мышление за прошедшую четверть века никуда не исчезло. Оно распалось на разные ветви, течения, фрагменты, между которыми в сегодняшнем мире нет коммуникации. И пока возможность установления такой коммуникации никак даже не просматривается. Эти тезисы, я думаю, тоже будет полезно дальше обсудить.

Алексей Шумилин. Елена Романенко обозначила концепцию с акцентом на приоритет суверенитета, абсолютизацию суверенитета и концепцию «мягкого империализма». Эти две концепции существовали всегда, и, соответственно, ничего нового в этом нет, это констатация. Применительно к новому мышлению, действительно, оно является попыткой создать третью концепцию — на соответствующей международно-правовой базе, естественно.

Абсолютизация суверенитета предполагает полное право хозяина страны давить на свой народ, сколько ему вздумается. А международное сообщество не должно в рамках нового мышления позволять этого — появляется концепция гуманитарной интервенции, и ее тоже надо хотя бы обозначить. Эта тенденция набирает обороты: началось все с Балкан, но тренд оказался базовый. И теоретически он требует обоснований, особенно в международно-правовом ключе, но сам по себе он отвергает акцент на абсолютизацию суверенитета. Сувере-

нитет для людей, но если мы начинаем прижимать людей, то тогда суверенитет сам превращается в проблему.

Елена Романенко. Но устранение суверенитета — не путь решения этой проблемы...

Алексей Шумилин. Что важно: границы или жизни десятков миллионов людей?

Елена Романенко. Если мы разрушаем границы, то жизнь этих десятков миллионов тоже подвергается опасности...

Алексей Шумилин. Нет, в опасности уже тысячи, а миллионы спасаются. Согласно концепции гуманитарной протекции. Ее мы можем обозначить как таковую, она осуществляется в международном пространстве.

Елена Романенко. Я согласна с тем, что она есть, но я не согласна с тем, как она применяется.

Алексей Шумилин. Потому что вокруг нее сейчас идут и будут идти баталии в Совете Безопасности. Я в них участвовал, кстати сказать.

Павел Палажченко. Пик интереса к гуманитарной интервенции пройден уже, потому что ясно, что можно реализовать было в конкретных исторических условиях, по отношению к некоторым республикам бывшей Югославии. Если начнут давить, как вы говорите, миллионы людей в Китае, никто эту концепцию реализовать не сможет. И поскольку тут есть это неразрешимое противоречие, гуманитарная интервенция как предмет правового интереса, научного интереса и даже, я бы сказал, политического интереса пошла на спад.

Елена Романенко. Но что-то должно быть, что бы учитывало интересы людей и их существование в рамках некоторых существующих структур.

Павел Палажченко. Правильно, что-то должно быть, но вот это вопрос политики — что должно быть.

Здесь прозвучала мысль о том, что новое мышление до конца не реализовалось. С другой стороны, была мысль о том, что оно трансформировалось и в разных формах продолжало влиять на внешнюю политику.

Вот я хотел бы сказать, что если мы посмотрим внешнюю политику России периода Ельцина и затем периода Путина, то, на мой взгляд, преемственность не с какими-то декларированными принципами нового мышления, а с реалиями внешней политики, которая реализовывалась Горбачевым, была довольно большая. При Ельцине в условиях, когда Россия была слаба и у нее ресурсов и аргументов было не очень много, это выглядело как политика постоянного отступления и уступок. Хотя это не совсем так, по многим направлениям все-таки удавалось, на мой взгляд, отстаивать то, что тогда понималось, сейчас понимается как интересы России.

Затем приходит Путин. Уже в 2003 г. мне пришлось вести полемику в газете «Известия» с Бовтом, который подчеркивал, что внешняя политика Путина — это не прекраснородушное новое мышление Горбачева, а нечто очень конкретное, как он сказал, «предельно конкретная договоренность с Бушем-младшим».

В действительности это не так. И я думаю, что два первых срока Путина — это все-таки тоже преемственность с внешней политикой, основанной на новом мышлении, примерно той же внешней политикой, которую реализовывал в трудных условиях Ельцин и его смеявшиеся министры иностранных дел.

Теперь обратимся к первому периоду президентства Путина. В те годы были и «авансовые» уступки Западу: отказ от Центра электронного слежения в Лурдесе¹, уход из Камрани², согласие на то, чтобы страны СНГ, а конкретно Россия, оказывали помощь американцам

¹ Радиоэлектронный центр в Лурдесе — главный советский, а затем и важнейший российский зарубежный центр радиоэлектронной разведки. Расположен в южном пригороде Лурдеса кубинской столицы Гаваны. Строительство началось в 1962 г., сдан в эксплуатацию в 1967 г., использовался по назначению до 2002 г.

² Камрань — военно-морская база во Вьетнаме. В 1979 г. СССР и Социалистическая Республика Вьетнам подписали соглашение на 25 лет об использовании порта Камрань как базы советского ВМФ, главным образом, 17-й эскадры Тихоокеанского флота. Позднее база была переименована в 922-й ПМТО Тихоокеанского флота. За аренду Советский Союз не платил. В 1998 г. вьетнамцы потребовали арендную плату в размере 300 млн долларов в год. Китай и США тогда предложили Вьетнаму за аренду Камрани 500 млн долларов. В 2001 г. Владимир Путин в начале своей деятельности на президентском посту под предлогом высокой стоимости содержания объявил о закрытии военной базы. В интервью Wall Street Journal в начале 2002 г. Путин заявил, что отказ России от базы в Камрани является «абсолютно правильным и взвешенным военно-политическим решением». http://flotprom.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=56770

в Афганистане и т. д. И «обхаживание» Блэра в соответствии с нашим представлением о том, что надо всегда англичан обхаживать, потому что они влияют на американцев. И традиционная для нашего внешнеполитического мышления, по-моему, довольно экзотическая идея о том, что договариваться надо всегда с республиканцами, потому что они твердые — уж если договорились, то все в порядке будет (а демократы — это вообще бог весь что...). И, конечно, огромные авансы Бушу, которые он возвращал только на словах, а реально ни по одной позиции не шел навстречу России... В результате возникает обида, которая росла в течение всего первого срока президентства Путина.

А потом в США появился президент Обама, который многие принципы нового мышления воспринял. (Хотя я не уверен, что он об этом читал, изучал это все.) Заключается крайне выгодный для России Договор по СНВ, прекращается расширение НАТО, ПРО реконструируется также в выгодном для России формате. Теперь даже наши военные говорят, что только в отдаленной перспективе, если будут продолжать снижаться стратегические вооружения, а ПРО будет расширяться, тогда это станет опасным для России, а сейчас — нет.

Что же происходит в ответ? Я не знаю, может, потому, что все это происходило при Медведеве и Путин воспринял эти вещи как уступки не России, а Медведеву... Но это были реальные уступки. Россию пригласили в качестве условно равноправного участника тогда и на переговорах с Ираном, вообще это был период, когда во многом России шли на уступки. Но именно в этом контексте, именно с этим партнером происходит в 2014 г. полное обрушивание отношений и коллапс доверия. Я думаю, что негативное отношение к Америке копилось и до этого, но в общем произошла достаточно загадочная вещь... Хотя в целом я согласен с тем, что в 90-е годы Америка действовала так, как будто она не понимала, какие психологические последствия ее внешнеполитические выступления имеют здесь у нас, в России. И расширение НАТО — это было сделано так, что психологические последствия не были учтены...

Но вот 2000-е годы — на это, мне кажется, надо посмотреть. Мы как-то слишком соглашаемся с тем, что Америка наступала, Россия обижалась... Но надо признать и то, что Россия не воспользовалась возможностями построить новые отношения с США в период президентства Обамы.

Хотел бы подчеркнуть еще одно: человеческий фактор, субъективный фактор. Нельзя отрицать, что он имеет колоссальное значение. Я вспоминаю, что в 1988 г. в МГИМО было совещание послов

и мидовского актива. Выступал Шеварднадзе, выступал Крючков, выступали самые разные люди. Поразительные вещи тогда говорились. А выступали люди, которые были плоть от плоти советской системы, и именно они говорили совершенно неожиданные — для меня — вещи. Присутствовали все послы, более ста послов из всех стран приехали. Шеварднадзе в своем выступлении устроил, я бы сказал, такой бенефис. Один из главных тезисов был: можем ли мы согласиться с тем, что мирное сосуществование — это форма классовой борьбы на международной арене? Он процитировал пару цитат одного из академиков и, по-моему, профессоров МГИМО, где этот тезис развивался. Сделал эффектную паузу и потом сказал, что это полная чушь и с этим согласиться никак нельзя. Что это путь в никуда, если мы будем строить внешнюю политику на такой основе, то мы проиграем, мир проиграет, это путь к войне и т. д. Уже отошел от текста. И зал взорвался аплодисментами!

Это был «человеческий фактор», когда сверху шла правильная, на мой взгляд, линия и менялись люди. Генерал Моисеев, например, пришедший на смену маршалу Ахромееву, конструктивно себя вел. Я думаю, в иных условиях он не так бы вел себя. И многие другие люди, на которых влияли те флюиды, сигналы, которые шли сверху. Давления особого не было. Все разрабатывалось на уровне ведомств. Пятёрка была, которая рассматривала вопросы ядерного разоружения. Опять-таки мамонт советской системы — покойный Лев Николаевич Зайков, берет трубку, начинает звонить главным конструкторам...

Человеческий фактор работал потому, что, видимо, такие изменения накопились в советском обществе за предыдущие годы, что люди были готовы действовать согласно здравому смыслу. Именно здравый смысл проявился в переговорах по разоружению — тогда договорились о колоссальных сокращениях. Кстати, огромную роль в этом сыграл неофициальный обмен письмами (писали официально, но это — не договор) между Бушем-старшим и Горбачевым в октябре 1991. По этой договоренности тысячи реальных боезарядов субстратегического уровня были сначала выведены из боевого состава, а потом уничтожены. Сейчас этот процесс продолжается.

Сейчас, если брать стратегические и нестратегические вооружения, по подсчетам генерала Дворкина, примерно в 13 раз меньше зарядов в боевом составе, чем их было в 1986 г. Это колоссальная разница. И субъективный, человеческий фактор сыграл в этом очень большую роль.

Василий Жарков (МВШСЭН). Я бы хотел поддержать тезис, связанный с вопросами, имеет ли будущее новое мышление и возможны ли перспективы. Новое мышление, на мой взгляд, нужно рассматривать как часть либерализма во внешней политике, возникшую в специфических условиях Советского Союза. Тем не менее, если мы посмотрим, каким образом, скажем, в книге Горбачева рассматривается традиционный взгляд советской теории на вопрос, как классовые интересы связаны с международными отношениями, мы увидим общую тенденцию: баланс между реализмом и либерализмом, который так или иначе присутствовал в марксистском подходе, в данном случае склонялся в сторону либерализма. И это, конечно, проявляется в фактическом отказе от тезиса о необходимости классовой борьбы, о примате классовой борьбы. Потому что именно война присутствовала в концепции под названием классовой борьбы: СССР возник как государство рабочих и крестьян, как будущее коммунистическое государство, и он находился в войне с капиталистическим окружением.

Это стремление перейти к общечеловеческим ценностям и, найдя через ценностное сближение нечто общее с западным миром, строить «вечный мир» на основе не борьбы, а сотрудничества, — очень важный либеральный посыл. Он присутствовал в новом мышлении и породил огромные ожидания и огромный оптимизм не только в Советском Союзе, но только в России.

Я хотел бы обратить внимание на то, что рубеж 1980-х и 1990-х годов — это начало новых дебатов в мировой теории международных отношений. И оно во многом было спровоцировано появлением Горбачева и его нового мышления. Подчеркну, что и Горбачев, и концепция нового мышления были труднопредсказуемы и труднообъяснимы в рамках подходов, которые использовались в теории международных отношений на Западе.

То, что коммунисты, коммунистическая сверхдержава неожиданно для большей части наблюдателей выступила с подобными тезисами, которые могли быть понятны — и неожиданно оказались понятны — носителям либеральных идей на Западе, было, безусловно, неожиданностью и сенсацией. Помимо всего прочего, это разрушило стереотипные представления о Советском Союзе, возникшие в условиях холодной войны. Это исключительно важный момент, который, повторяю, породил очень серьезные ожидания.

Сегодня, по прошествии трех десятилетий, доминирует пессимизм: торжествуют анархия в международных отношениях и реализм. Если

говорить о России, то я бы использовал определение своего коллеги из Монреальского университета, который называет это «реализм с содранной кожей». То есть реализм тех, кто разочаровался в либерализме, и тех, кто испытал чувство несправедливости в отношении себя. Среди них те, кто сегодня выступает за новую реалистическую парадигму, за новые национальные интересы и жестко их отстаивает. Обида и ощущение несправедливости порождено, к сожалению, расхождением между пожеланием и практикой.

Но дело в том, что это не первый случай, когда вслед за либеральными ожиданиями наступает «реалистическое разочарование». По крайней мере начиная со времени, когда был заключен Версальский мир, мы постоянно наблюдаем эти колебания: были ожидания после конца Первой мировой войны, но они выливаются в «реалистическое разочарование» Второй мировой войны. Очень короткий период либеральных ожиданий после Второй мировой войны выливается в реалии холодной войны. И сегодня, к сожалению, мы оказываемся в похожей ситуации, поскольку, на мой взгляд, одна из проблем состоит в том, что новое мышление необходимо не только Вашингтону (как справедливо заметил Виктор Кувалдин), но всем акторам. Ибо все-таки международные отношения в условиях анархии есть процесс с разносторонним движением, несмотря на наличие неких больших сил и гегемоний.

Также очень важным обстоятельством является то, что сама по себе политика, в том числе после распада Советского Союза и разрушения мировой коммунистической системы, в целом оставалась реалистической. В целом она базировалась и продолжает базироваться на примате группового эгоизма как основного двигателя и побудительного мотива в международных действиях. И обуздание эгоизма и группизма остается пока неким пожеланием. Но оно продиктовано нам естественным законом, основным естественным законом, о котором говорил еще Кант — стремлением к вечному миру ради выживания человечества как такового. И именно это обязывает нас возвращаться к либеральному подходу и поддерживать его, несмотря на все прошлые неудачи. Потому что иначе может наступить «вечный мир» в отсутствие человечества.

Я бы обращал внимание на этот мессианский тезис еще и еще раз, потому что он чрезвычайно важен.

Но, повторюсь, поскольку новое мышление — это часть целого, это частный случай большой традиции. И я думаю, что мы должны это

исследовать именно в таком контексте — как часть большой традиции либерализма, учитывая в том числе либеральную составляющую марксизма. Исследование не может быть прекращено только потому, что мы находимся на очередном этапе разочарования, вызванного практикой эгоистической и групповой деятельности на международной арене.

Если учесть, что у человечества есть будущее, оно, скорее, находится в параметрах нового мышления, нежели вне его.

Иван Тимофеев (Российский совет по международным делам). Хочу начать с эпизода, который произошел со мной по пути на круглый стол. У меня произошел разговор с охранником, который спросил: «Куда идете?» Спросил повелительным тоном человека, который обладает своей маленькой властью и пытается ее использовать.

— Иду на круглый стол по приглашению Фонда Горбачева.

— Горбачев — это лысый такой? Да, я помню такого. Развалил страну! Сдал Советский Союз, Крым сдал!

Такое начало, которое подтолкнуло к первому тезису моего выступления: сегодня восприятие нового мышления очень широкими кругами населения не соответствует реальным намерениям и самого Горбачева, и его команды. А в успешных, внешнеполитических кругах новое мышление считается идеалистической, наивной концепцией: «да, ребята хотели, доверились Западу, а их обманули и т. д. и т. п., через розовые очки смотрели на мир, а надо было давить, надо было проявлять волю, надо было гнуть свою линию, не отступать, не сдавать и т. д.»

Что же было на самом деле? На самом деле новая идея играла прежде всего на руку нашей дипломатии. По сути, она содержала очень серьезную, прагматичную и рационально продуманную, хорошо продуманную базу.

К моменту появления концепции нового мышления в СССР был минимальный экономический рост, системный экономический кризис, кризис управления. На этом фоне мы имели достаточно серьезные издержки — экономические и материальные, связанные с нашей внешнеполитической деятельностью. Прежде всего, обслуживание гонки вооружений, огромные военные расходы. В этом смысле маневры и задачи были следующие: максимально сократить издержки военно-политической конкуренции, выйти на сотрудничество или по крайней мере на дружественный паритет с Западом, воспользоваться этой

паузой для того, чтобы провести структурные реформы внутри страны. И выйти на следующий этап более сильными в экономическом плане. Было понятно, что долгосрочной конкуренции не выдержать без экономических изменений. Можно поддерживать какое-то время высокие военные расходы, но это загонит экономику в тупик.

Кстати, есть еще один важный момент, чисто экономического плана. Россия ассоциируется с сырьевой экономикой, с нефтяной иглой, прежде всего в период 1990-х годов. Между тем это не так. Превращение национальной экономики в сырьевую происходило в 1970-е годы. Именно тогда доли нефтяных и газовых доходов в валютных поступлениях стали расти. И в общем та модель, к которой мы пришли в 1990-е, и та модель, которую мы имеем сейчас, формировалась не в результате деятельности Горбачева и Ельцина — сейчас есть такой стереотип, а еще в 1970-е годы, в годы застоя. Было очевидно еще в середине 1980-х годов, что эту ситуацию нужно менять. И попытка изменить, попытка сближения с Западом носила не только военно-политический характер, но была попыткой получить доступ к технологиям, к новому экономическому укладу, использовать энергию глобализации, развития Запада для развития собственной экономики.

Если брать внешнеполитическую составляющую нового мышления, то к 1989 г. мы выходили на завершение холодной войны, в принципе, на более или менее выгодных для себя условиях. Мы сократили вооруженные силы и сократили по ряду договоров целый класс наступательных вооружений, в частности, по РСМД подразумевается сокращение ракет средней и меньшей дальности. Это первый прецедент, когда вооружение запрещали и ликвидировали, и мы получили довольно серьезное экономическое облегчение. Очень важно также, что в идеологическом плане Советский Союз однозначно владел инициативой. То есть помимо того, что мы решали задачи снижения бремени военных расходов, решали задачи снижения конкуренции и высвобождения ресурсов для внутренних реформ, мы еще и владели идеологической инициативой. Популярность Советского Союза, популярность лично Горбачева были колоссальны. Уровень доверия был очень высок. Мы выходили с почетной ничьей из холодной войны. Можно было считать это нашей победой, поскольку мы выходили из нее с минимальными издержками. Более того, с уступками не в одностороннем порядке, а на тот момент с уступками наших американских, прежде всего, партнеров.

Что произошло дальше и что послужило корнем тех проблем, которые мы имеем сейчас? Почему мы оказались в холодной войне не победителями, не выигравшими, а проигравшими? Причина — распад нашего собственного государства, который произошел в силу разных причин. Есть стереотип — сегодня он часто используется: ЦРУ развалило Советский Союз, американцы, Запад подорвали СССР. Кто-то может спросить: а почему вы не развалили США, если холодную войну США проиграли? По большому счету, такие суждения — признак непрофессионализма. Распад Советского Союза произошел в силу огромного количества внутренних диспропорций, противоречий, но, собственно, распад государства и превратил нас в проигравших в этой войне, а не победителей.

В свое время я с большим интересом изучал период начала 1990-х годов — 1990–1994 гг. Это очень интересный период с точки зрения такой неопределенности и паузы в отношениях России и Запада. Есть стереотип: распался Советский Союз, и Запад сразу стал (есть такое понятие в теории игры) нас использовать, эксплуатировать, грубо говоря, использовать наш проигрыш. На самом деле ситуация складывалась несколько иначе, развивалась по иному сценарию, т. е. приблизительно два или три года в самом западном политическом сообществе и в американской политике не было четкого видения того, а что собственно делать. Распад Советского Союза был сюрпризом, большой неожиданностью для американцев.

Я читал отчет 1990 г. В нем пишут: да, вот здесь неизбежная реальность того, что Советский Союз распадется, но, тем не менее, Россия — большая страна, она имеет большой запас прочности. То есть это потребовало выработки согласованной позиции и стратегии. И был выбор между двумя альтернативами.

Первая альтернатива — это попытаться то, что получилось на месте бывшего Советского Союза, как-то встроить как новое сообщество, интегрировать и Россию, и бывшие республики Советского Союза. Что-то построить новое. Понятно, это путь болезненный, очень затратный и, учитывая то, что стало происходить на посткоммунистическом пространстве, практически малореализуемый и очень рискованный с точки зрения политики. То есть, с точки зрения теории, это было красиво: либерализм, новое сообщество, международное сообщество. И понятно: если бы тогда нашлись масштабные политики, которые бы на это пошли, сегодняшних проблем, в том виде, в каком мы сейчас их имеем, не было б.

Но особенность текущего момента, видимо, подсказывала западным лидерам другой путь: минимизировать издержки распада Советского Союза, прежде всего связанные с ядерным оружием, минимизировать риски распространения технологий ядерного вооружения; минимизировать гуманитарные риски; не допустить гражданской войны на постсоветском пространстве; не допустить отказа от того, что режим Ельцина демонстрировал: лояльность Западу и декларирование преемственности внешнеполитическому курсу Горбачева. Есть особенности — поддержка новых демократий и в общем поэтапное включение, абсорбация того, что осталось от бывшего коммунистического блока. Логика была приблизительно следующая: давайте мы начнем в Польше, в Венгрии — там, где в большей степени к этому готовы, а дальше посмотрим. То есть, если в России и в остальных частях все пойдет хорошо, то давайте перейдем к дальнейшему сближению. Если нет, то мы, по крайней мере, все равно будем двигаться в реалистическом ключе, и мы будем сильнее, чем до окончания холодной войны. То есть это все равно будет победа.

Кстати говоря, отмечу еще один интересный момент. Наше «вставание с колен» и тот факт, что Россия достаточно резко вернулась на международную арену в начале 2000-х, тоже было неожиданностью. Интересно почитать отчеты и сценарии будущего, которые готовились для ВВС США в конце 1990-х, и прогнозы Совета по внешней разведке США. Это была специфическая идеология, методология — гнилая, как говорит молодежь, но прогнозы были следующие. Перспектива России — большая черная дыра на пространстве Евразии; лучшая стратегия — это сводить к медленному угасанию, оккупировать издержки быстрого распада. Да, задержать и медленно, медленно, медленно... обеспечить контролируемый распад. То, что маятник качнулся обратно, тоже было достаточно серьезным и неожиданным для Запада.

В какой степени эти проблемы были порождены новыми реалиями XXI века? Я думаю, что новые реалии не породили проблем, они дали нам возможность. Что такое новые реалии? Скажем, это организованный терроризм. 11 сентября — это новые реалии. И в принципе, мы эти реалии используем достаточно грамотно. Владимир Путин в период своего первого президентского срока — это, как уже говорилось предыдущими выступающими, вполне прозападный политик. Почитайте его выступление в бундестаге в 2001 г. Посмотрите на нашу поддержку американцев в Афганистане: Россия была первой страной, которая заявила о поддержке США в афганских операциях. Мы

передавали разведанные, мы поддерживали северный альянс вооружениями, это была достаточно серьезная поддержка. Однако новые реалии не давали нам шанс выйти на преодоление последствий расширения НАТО и т. д. Но и интеллектуальной силы не хватило для того, чтобы это переварить. И это трагедия текущего момента.

Возможно ли сейчас новое внешнеполитическое мышление? Пять дней назад я выступал в Финляндии на эту тему, и публика была в общем агрессивно настроенная, русофобская: «Нет никакого нового мышления, это нереально, вы — Россия — агрессор, кровавый режим...» Моя позиция была очень простая: да, есть Украина, да, очень тяжелая проблема, сложная, но есть ряд фундаментальных договоренностей между Россией и США. Иначе говоря, то, что мы сейчас можем потерять из-за украинского кризиса, мы никогда уже не восстановим.

Дмитрий Петров. Можно вопрос прямо по ходу? Вы не считаете, что украинская проблема является серьезным вызовом именно фундаментальным основам нашей безопасности? В этом смысле предложение рассматривать ее отдельно звучит несколько нелогично.

Иван Тимофеев. Конечно, это вызов безопасности, серьезный и т. д. Но зачем рассматривать Украину вместе с РСМД? Есть язык спекуляций и философский, поэзии, а есть язык конкретики. Есть определенная договорная база в наших отношениях. Есть договор. Какова связь РСМД и Украины? И будет ли лучше Украине, если мы подорвем РСМД? Украинцам война нужна? Безопасность Европы увеличится, если мы опять будем ставить на дежурство ракеты с минимальным полетным временем? Временное принятие решений в случае эскалации увеличится? Конечно, это фундаментальные основы безопасности. Реформа ОБСЕ. Как ни странно, при всех родовых травмах этой структуры она единственная оказалась настолько пригодной для диалога... Вместо того, чтобы сохранять ту площадку, хоть как-то сохранять диалог, мы практически его заморозили, осталось только общение на уровне совещания послов.

Виктор Кувалдин. Задачу очень облегчили выступления Жаркова и Тимофеева. Я в принципе полностью согласен с тем, что они сказали. Если брать выступление Тимофеева, то нужно говорить буквально по каждому пункту. Не потому, что я их не разделяю, а потому, что они заслуживают куда более углубленного разговора. Как закончилась

холодная война, в каких условиях и почему она была трактована таким образом; когда менялось отношение к России и какую роль сыграли события 93 г., и очень многое другое.

Я хотел бы сейчас обратить внимание, может быть, на другое совершенно. Мне повезло: в предельно скромном качестве я имел некоторое отношение к внешнеполитической команде Михаила Сергеевича. И когда высказывались идеи нового мышления, вы правы, происходила очень основательная работа — и теоретически, и практически, проделанная не только командой Горбачева, но и всеми тогдашними серьезными профессионалами во внешней политике. Но, когда формулировался этот комплекс идей, мы не могли видеть того будущего и не могли видеть той фундаментальной реальности, которая, что любопытно, здесь практически не была упомянута.

Дело в том, что в последние двадцать лет, в рамках Горбачев-Фонда, который, по существу, первым стал развивать проблематику глобалистики в нашей стране, мне пришлось работать в этом направлении (моя работа продолжается и сейчас). Глобалистика — очень молодая наука, ей от силы 25 лет. Поэтому у каждого исследователя здесь свое видение, свое представление, и, никому ничего не навязывая, я коротко сформулирую мою позицию.

С моей точки зрения, процесс глобализации — это порождение промышленного капитализма, и начало его соответственно мы должны датировать началом XIX века. Было два глобальных мира, соответственно, мир XIX века, который кончился Первой мировой войной, и новый мир — глобальный мир, в котором мы все сейчас живем. Но фундаментально процесс глобализации дал свой результат, логический результат, а именно — создание глобального мира — именно на рубеже 1980–1990-х годов.

Новое мышление, по существу, давало некую спасительную философию для этого глобального мира. Люди помоложе меня вряд ли поймут основное отличие глобального мира от предшествующего. Скажем, я — дитя коммунальной квартиры, а последующие поколения начиная с хрущевских времен жили в индивидуальных квартирах. И поэтому их отношения с соседями, даже по лестничной площадке, тем более по подъезду, тем более по дому — достаточно отчужденные. В коммунальной же квартире вы живете в большой, сложной и часто склочной среде. Вот глобальный мир — это большая коммуналка. И смысл нового мышления, как сейчас я его вижу, — это некая спасительная философия, которая была предложена глобальному миру.

Хотя, как мне представляется, в то время, в горбачевской команде, мы это не ощущали и не воспринимали.

Здесь правильно сказали, что вообще-то новое мышление, может быть, — последний взлет российского мессианства. Не зря оно стало спасительной идеей для страны и для мира. Был реализован и осуществлен другой проект, не менее, даже более мощный, глобальный проект. Проект, который Соединенные Штаты готовили давно, еще со Второй мировой войны проводили. Вот этот проект осуществлялся. Он тоже порождение другого мессианства. Америка, конечно, глубоко мессианская страна. И осуществленный ею проект глобального мира не был просто выражением американского доминирования и господства. Как они в свое время строили сияющий град на холме, так они создавали мир-страну, создавали альтернативу миру.

Как мне представляется, пока они использовали свой шанс не слишком удачно. Хотя, может быть, я не очень здесь соглашусь с возражениями профессора Шумилина. Все, о чем он говорит, в сущности, относится к одной цивилизации. Это арабская, если хотите, исламская цивилизация. Я считаю, что это — особый случай. Это цивилизация, которая пока что не нашла себе путь в глобальный мир, которая пока что не смогла более-менее успешно преодолевать барьер глобализации. То есть с ними случилось то же самое, что с нами, но в гораздо большем масштабе и гораздо хуже. И поэтому сама по себе эта ситуация требует особой политики, понимая, насколько это важный, сложный, тяжелый и потенциально очень опасный случай.

Вот если мы посмотрим под этим углом, то, конечно, новое мышление нельзя было списать со счетов, пока не будет предложена некая форма мироустройства, которая по своей способности обеспечивать это мироустройство — мирное, более-менее гармоничное, спокойное, не конфликтное — будет превосходить потенциал нового мышления. Но этого не произошло. Этого пока мы не видим, поэтому новое мышление остается актуальным.

Андрей Рябов. Попытаюсь коротко, конспективно подвести итоги дискуссии.

Итак, первый, один из ключевых выводов, к которому мы, я думаю, коллективно пришли, заключается в том, что для «нового издания» нового мышления и новой политики в современных условиях необходимы четыре базовых условия. Это растущее понимание проблем общей безопасности, которая снова начинает грозить существованию

человеческой цивилизации. Это формирование соответствующих идентичностей, которые, по крайней мере, были бы открыты для взаимодействия, были бы способны коммуницировать друг с другом. Естественно, что это само по себе предполагает наличие некоторых взаимодополняемых как минимум, а не взаимоисключающих, систем ценностей. Третье условие — это наличие целеполагания для основных акторов мировой политики. И четвертое — это наличие у них политической воли для осуществления новой политики.

Необходимо также упомянуть фактор, который может подтолкнуть формирование запроса на новую политику. Это фактор потери управляемости мировыми процессами, которая становится все более очевидной в нынешней ситуации. Если система выходит из-под контроля, то ее нужно менять, а для этого необходим соответствующий инструментарий.

Следующий вывод нашей дискуссии состоит в том, что новое мышление в том виде, в каком оно сформировалось в 80-е годы, на протяжении последней четверти века никуда не исчезло. Оно своими элементами, частями, так или иначе, воспроизводилось политическими лидерами разных стран для решения различных конкретных задач. Но, естественно, утратив свою изначальную целостность как концепции в том виде, в каком оно возникло.

Следующая мысль, которая сегодня прозвучала, сформулирована так, что если новое мышление возродится как некий операционный инструментарий, то это произойдет, скорее всего, в форме новой либеральной, новой западной идеи в самом общем понимании и идеи сосуществования разных цивилизаций в глобальном мире. Эти идеи, понятия очень близки, хотя, несомненно, они затрагивают разные стороны современной политики.

Далее была высказана очень важная мысль о том, что если концепция нового мышления возродится, то ей необходимо будет пройти через национальные социокультурные «фильтры», чтобы она усвоилась в соответствующих странах на уровне массового сознания. Эти «фильтры» существуют в самых разных государствах, у разных народов, в самых разных культурах. Механизмы того, как это происходит, на сегодняшний день современной науке не известны. Но это не значит, что не должно быть исследовательской задачи изучения механизмов усвоения идей различными обществами. Те прекрасные примеры, которые звучали сегодня из политической жизни современного Ближнего Востока, лишней раз подтверждают важность данной задачи.

Еще одну очень важную идею я хотел бы упомянуть. Она заключается в том, что для того, чтобы начать работу по возрождению нового мышления, нужно как минимум не разрушать того, что осталось от прошлого и продолжает работать в современной политике. Иными словами, речь идет о принципе «не навреди». Принцип тотального разрушения явно не годится для решения новых задач.

И последнее я уже добавлю от себя. Мое замечание состоит в том, что наш круглый стол все-таки был сфокусирован в основном на действиях двух главных игроков, которые оказались глобальными акторами в процессе формирования нового мышления — Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки. И, в меньшей степени, на России как правопреемнице СССР и крупнейших странах Западной Европы. Но мы отчетливо понимаем, что возрождение нового мышления в современную эпоху потребует столь же серьезной работы и от новых глобальных акторов. Мы не будем их перечислять, ибо это тема для отдельной дискуссии. Но это так: без формирования глобалистского мышления, например, в Китае нельзя представить и успех новой политики. Как, впрочем, и в других крупных государствах, а также в различных региональных интеграционных объединениях. А это потребует времени, воли и совместных усилий.

Ольга Здравомыслова. Задумывая этот круглый стол, мы исходили из того, что среди знаковых понятий перестройки новое мышление — ключевое; в нем — точка соединения внешней и внутренней политики в эпоху Горбачева.

Во всех выступлениях в той или иной форме возникал вопрос: что противопоставляется новому мышлению в современном мире? Говорилось об анархии в международных отношениях, пессимизме, растущем недоверии к политике и среди политиков, «реалистическом разочаровании», по выражению Василия Жаркова.

Виктор Кувалдин назвал новое мышление «спасительной философией для глобального мира». Пожалуй, «спасительная философия» — не совсем точное определение в этом случае. Мне кажется, что и определение «мессианская идея», которое неоднократно звучало, тоже не схватывает сути нового мышления. Наверное, более точное определение — «полезная методология», или просто хорошая методология, которая опирается на очень ясные принципы. Это — идеализм, прагматизм и воля. В данном случае я почти цитирую Михаила Сергеевича Горбачева, который определял политику перестройки как

соединение нового видения мировых процессов и адекватной политической воли.

Это означает, что новое мышление содержит в себе настоящее требование опираться на разум, доверять собственному разуму. Можно увидеть в новом мышлении развитие традиции, которая лежит в основании европейской культуры, и вспомнить слова Канта: «Иметь мужество пользоваться собственным умом — таков девиз Просвещения». В этом смысле в сегодняшнем мире, где между доверием разуму и глобальным недоверием, использующим право силы, происходят реальные, все более непримиримые столкновения, новому мышлению вряд ли есть альтернатива.

Подготовила Ольга Здравомыслова